

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINAL PROCESS AND CRIMINALISTIC MEASURES OF COUNTERACTING CRIME

Научная статья

УДК 343.14

EDN OLWNVZ

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(1).70-80

ИНСТИТУТ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НУЖДАЕТСЯ В НЕОТЛОЖНОМ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ

В.В. Николюк¹, А.С. Бахта², А.Т. Анешева³

¹ *Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, г. Москва, Российская Федерация*

² *Омский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы*

при Президенте Российской Федерации, г. Омск, Российская Федерация

³ *Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

18 января 2024 г.

Дата принятия в печать

28 февраля 2024 г.

Дата онлайн-размещения

22 марта 2024 г.

Ключевые слова

Неотложные следственные действия;
оперативно-розыскные мероприятия;
орган дознания; следователь;
дознатель; возбуждение
уголовного дела; подследственность

Аннотация. В условиях новых вызовов обществу и государству, исходящих от преступности и выразившихся в резком увеличении доли тяжких и особо тяжких преступлений, возрастает значение потенциально эффективных в борьбе с преступностью юридических инструментов, имеющих, как правило, межотраслевую правовую природу. К таковым относятся неотложные следственные действия, уже более 60 лет считающиеся институтом стадии предварительного расследования, пережившим свой расцвет, когда органам дознания не чинили препятствий в возбуждении уголовных дел о преступлениях, по которым обязательно предварительное следствие. Авторы показывают специфику института неотложных следственных действий и его отличия от процессуальных конструкций, предусматривающих производство следственных действий в «экстренных» случаях. Представлены результаты анализа научных исследований, итогом которых стали предложения по совершенствованию правового регулирования неотложных следственных действий. Обосновывается вывод о том, что теория рассматриваемого института изолировалась от практики раскрытия и расследования преступлений, вышла на сугубо абстрактный уровень и перестала носить прикладной характер. Обобщается практика производства неотложных следственных действий таможей как органом дознания. Вопреки сложившемуся среди научных работников мнению о невостребованности норм о возбуждении уголовного дела органом дознания на практике авторы приводят статистические данные, наглядно иллюстрирующие обратное. На примере конкретных уголовных дел показываются возможности реализации собранной органом дознания оперативно-розыскной информации, указывающей на совершение преступлений определенным лицом, в рамках института неотложных следственных действий. Особое внимание уделяется анализу поводов и оснований возбуждения уголовного дела, установленных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий. Напоминается об имевшем место в советское время положительном опыте проведения дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно. Даются рекомендации по взаимодействию органов дознания с прокуратурой по вопросам применения правил подследственности уголовных дел. Предлагается комплексное, оперативно-розыскное и уголовно-процессуальное понятие феномена «неотложные следственные действия».

Original article

THE INSTITUTE OF URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS REQUIRES URGENT RETHINKING OF THE RUSSIAN FEDERATIONVyacheslav V. Nikolyuk¹, Andrey S. Bakhta², Amina T. Anesheva³¹ Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, the Russian Federation² Omsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Omsk, the Russian Federation³ Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, the Russian Federation**Article info**

Received

2024 January 18

Accepted

2024 February 28

Available online

2024 March 22

Keywords

Urgent investigative actions; operational search measures; body of inquiry; investigator; inquirer; initiation of a criminal case; investigative jurisdiction

Abstract. New challenges to the society and the state, posed by criminality and manifested through a sharp increase in the number of grave and very grave crimes enhance the relevance of potentially effective legal instruments which are, as a rule, of inter-sectorial legal nature. They include urgent investigative actions, which for over 60 years have been considered an institute of the preliminary stage of investigation, and which flourished at a time when inquiry bodies did not meet any obstacles in initiating criminal cases for the crimes requiring a preliminary investigation. The authors describe the specifics of the institute of urgent investigatory actions and its difference from the procedural constructs that provide for investigatory actions in «emergency» cases. They analyze research publications, and use them to work out suggestions on improving the legal regulation of urgent investigatory actions. The authors also prove that the theoretical basis of the institute under analysis is isolated from the practice of investigating and solving crimes, it has become totally abstract and without any links to the actual practice. The practice of urgent investigatory actions carried out by the customs' offices as a body of inquiry is summarized. Contrary to the opinion, popular among researchers, that the norms regulating the initiation of criminal cases by bodies of inquiry are not demanded in practice, the authors present statistical data illustrating the opposite situation. Using the specific examples of criminal cases, they demonstrate the opportunities for using the operative information collected by the body of inquiry within the institute of urgent investigatory actions to identify a certain person as a culprit in the crime. Special attention is paid to the analysis of the grounds and causes for initiating a criminal case established as a result of investigative search activities. The authors also remind us about the positive Soviet experience of conducting inquiries for the cases that demand a preliminary investigation. They present recommendations on the interaction between the bodies of inquiry and the prosecutor's office regarding the applicability of the rules of investigative jurisdiction over criminal cases. They offer a complex operative-search and criminal procedure understanding of the phenomenon «urgent investigatory actions».

В число актуальных, приоритетных проблем досудебного уголовного производства, активно исследуемых учеными в текущий момент, вне всяких сомнений, входит и вопрос оптимального правового регулирования в УПК РФ полномочий органа дознания проводить оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) и неотложные следственные действия. Проведением гласных и негласных ОРМ обеспечивается поиск и сбор сведений о преступлении, которые в силу ч. 2 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) могут служить основанием для возбуждения уголовного дела. Неотложные следственные действия проводятся в целях обнаружения и фиксации следов преступления, доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

Практическая реализация этой идеи выражена в ст. 157 УПК РФ, предусматривающей право органа дознания возбудить уголовное дело о преступлении, по которому предварительное следствие обязательно, и провести по нему неотложные следственные действия. В течение десятидневного срока, отведенного законом для направления дела органом дознания руководителю следственного органа, оперативные сотрудники вправе производить по нему любые следственные действия, которые они посчитают неотложными.

Современная уголовно-процессуальная конструкция неотложных следственных действий учла положения ст. 119 УПК РСФСР, однако в УПК РФ законодатель отказался от составления перечня неотложных следственных действий, сформулировав при этом их понятие

(п. 19 ст. 5) [1, с. 225–227]. Сам факт, что на протяжении свыше 60 лет институт неотложных следственных действий является обязательным атрибутом досудебных стадий уголовного процесса (о неотложных следственных действиях говорилось и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг.), свидетельствует о высоком познавательном потенциале данного способа доказывания, используемого при расследовании преступлений.

Феномен «неотложные следственные действия» — предмет многих научных сочинений, в которых рассматриваются теоретические и прикладные аспекты данного процессуального института. На теоретическом уровне обсуждаются вопросы оснований, момента и сроков производства неотложных следственных действий, круга субъектов, уполномоченных на их производство, процессуальный порядок передачи уголовного дела органу предварительного следствия и последующие действия дознавателя, оперативных сотрудников [2–4; 5, с. 146–160; и др.].

В прикладном аспекте в юридической литературе обозначаются проблемные ситуации, связанные с организацией эффективного взаимодействия должностных лиц органа дознания при осуществлении ОРМ и неотложных следственных действий [6].

Интересно заметить, что абсолютное большинство научных работ (монографии, статьи, диссертации) о неотложных следственных действиях содержит авторские предложения по совершенствованию УПК РФ, среди которых значительная их часть касается непосредственно самой дефиниции неотложных следственных действий, сформулированной в п. 19 ст. 5 УПК РФ как действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

Известно более 50 положений *de lege ferenda*, фигурирующих на страницах правовой литературы в качестве проектных доктринальных норм, разработанных как меры оптимизации института неотложных следственных действий исследователями в разные годы и, соответственно, отражающих потребности уголовной юстиции конкретного времени. Только авторских определений понятия неотложных следственных действий можно насчитать около

30. Принципиальных различий данные дефиниции не имеют. Каждое из этих предложений сопровождается соответствующей аргументацией, изучение которой показывает существенный разброс мнений о восприятии исследователями структурных элементов института неотложных следственных действий. Проиллюстрируем сказанное следующими примерами.

Так, М.В. Кардашевская разработала собственную дефиницию неотложных следственных действий, учитывающую возможность их проведения в стадии возбуждения уголовного дела, которая адресована законодателю, в следующей редакции: «Неотложные следственные действия — действия, осуществляемые дознавателем, органом дознания, следователем в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования» [4, с. 94].

По мнению К.А. Синкина, институт неотложных следственных действий в УПК РФ имеет ряд конструктивных неточностей, которые необходимо устранить на законодательном уровне: «Целесообразно будет выполнение неотложных следственных действий не после, а до возбуждения уголовного дела. Правом производства неотложных следственных действий следует наделить не только органы дознания, но и следователя с дознавателем. Результатом выполнения неотложных следственных действий, наряду с оценкой других материалов предварительной проверки, будет являться решение, принимаемое в порядке, предусмотренном ст. 145 УПК РФ» [7, с. 116].

Анализируя комплекс норм, ориентированных на производство неотложных следственных действий, О.В. Мичурин усматривает в нем два самостоятельных института: «Первый... предусмотрен отдельной нормой и достаточно подробно регламентирован в законе, хотя не лишен недостатков. Второй институт — выполнение дознавателем и следователем неотложных следственных действий в порядке ч. 5 ст. 152 УПК РФ в случаях, если они установят, что уголовное дело им неподследственно. Его регламентация в уголовно-процессуальном законе оставляет желать лучшего» [8, с. 66].

Сторонниками расширения круга субъектов, имеющих право производить неотложные следственные действия с соблюдением правил подследственности, являются В.С. Балакшин и А.И. Григорьев. Последними выдвинут ряд пред-

ложений по изменению и дополнению УПК РФ, касающихся как общего понятия неотложных следственных действий (п. 19 ст. 5), так и других институциональных элементов (субъекты производства неотложных следственных действий, действие правил подследственности) [9].

Обозначая в контексте уголовно-процессуального законодательства условия для производства неотложных следственных действий, А.Б. Соколов, Д.С. Мерлаков, Я.М. Мазунин выделяют в качестве таковых невозможность прибытия компетентного должностного лица (следователя, дознавателя) к месту выявления признаков преступления; возбужденное уголовное дело; возможность утраты доказательств [10, с. 320].

Своеобразную черту в дискуссии о понятии и содержании института неотложных следственных действий подвел И.С. Дикарев, опубликовавший в 2023 г. статью по данной проблематике с указанием уже в ее названии на кризисное состояние института неотложных следственных действий [11]. Признаки кризиса ученый видит во многих конструктивных элементах, обеспечивших институционализацию неотложных следственных действий. Особо обращается внимание на ничем не оправданное смешение неотложных следственных действий, производимых на основании ст. 157 и ч. 5 ст. 152 УПК РФ, предлагается восстановить прежнее наименование деятельности, предусмотренной ст. 157 УПК РФ, — «деятельность органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно» [11, с. 80].

Обзор теоретических подходов к толкованию норм УПК РФ, регулирующих производство неотложных следственных действий, можно продолжить. Однако в этом нет необходимости. Круг вопросов, которые попали в поле зрения ученых и традиционно определяют предмет дискуссии, продолжающейся уже несколько десятилетий по поводу правовой природы и содержания института неотложных следственных действий, заранее известен. Он не сужается и не расширяется. Вполне прогнозируемы и позиции ученых по данным вопросам. В текущий момент в рассматриваемом сегменте доктринальных исследований сложилась уникальная ситуация: процессуалисты и криминалисты, устремляющие свои взоры на феномен неотложных следственных действий, добросовестно инвентаризируют доступные им источники на предмет обсуждения в них вопросов, связанных с проведением неотложных следственных действий,

анализируют представленные в них авторские позиции, выражают собственное отношение к ним. Более поздние публикации отличаются от предыдущих в основном тем, что к прилагаемому к статье списку использованной при ее написании литературы прибавляется еще один автор. На теоретическом уровне, таким образом, все выглядит убедительно.

На фоне отчетливо проявляющейся в последние шесть-семь лет тенденции, которая состоит в увеличении доли тяжкой и особо тяжкой преступности примерно до 40 % [12, с. 104], внимание законодателя и правоприменителей к институту неотложных следственных действий, логично предположить, должно закономерно усиливаться как к действенному инструменту пресечения и раскрытия преступлений, рациональному способу доказывания. В таких «экстремальных» условиях крайне негативно проявляют себя недостатки внутренней структуры анализируемого процессуального института, которые не так ощутимы в стандартных ситуациях. Конструктивные недоработки института неотложных следственных действий нейтрализуют его очевидные преимущества, состоящие в объединении органом дознания (пусть даже на десятидневный срок) уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной компетенций. Поэтому обнажившиеся в ходе практического правоприменения и вскрытые учеными недостатки нормативно-правового регулирования производства неотложных следственных действий должны своевременно устраняться.

Содержание уголовно-процессуальных институтов, как, впрочем, и любых других правовых институтов, наполняется согласно замыслу законодателя, связывающего воедино нормы права для регулирования сходных отношений. Важное значение в связи с этим приобретает точное сканирование круга общественных отношений, составляющих предмет института неотложных следственных действий, перед законодательным его оформлением. При этом субъективный фактор, дискреция в признании законодателем правовых институтов минимальны. Образование института права (формальная сторона) всегда есть результат реакции государства на потребности в императивном регулировании отношений [13; 14; 15, с. 10–15; 16; 17], в нашем случае — отношений в сфере выявления, раскрытия и расследования преступлений.

Подобное понимание механизма образования правовых институтов дает возможность

обозначить следующие перспективные подходы к исследованию феномена «неотложные следственные действия». В методологическом аспекте имеющиеся доктринальные разработки проблематики, обусловленной выделением в УПК РФ относительно самостоятельного сегмента (нормативного комплекса) с рубрикой «неотложные следственные действия» и его практической реализацией, характеризуются состоянием *субституции*, когда происходит замещение знаний, получаемых при анализе событий и вскрытии закономерностей, абстрактными мнениями, точками зрения. Опираясь на многочисленные публикации по указанным вопросам, не видим возможности приблизиться к ответу на вопрос, в какой степени и насколько адекватно доктрина отражает потребности юридической практики — досудебного уголовного судопроизводства. Для этого необходимо прежде всего четко определить, какое нормативное уголовно-процессуальное явление (а может быть, одновременно и оперативно-розыскное?) мы исследуем.

В юридической литературе правильно обращено внимание на наличие в УПК РФ четырех относительно самостоятельных категорий, на которые распространяется общий объединяющий критерий — фактор безотлагательности:

– следственные действия, проводимые в случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 176, ч. 4 ст. 178, ч. 1 ст. 179, ч. 4 ст. 202 УПК РФ);

– следственные действия, проводимые в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, без судебного решения (ч. 5 ст. 165 УПК РФ);

– возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий органом дознания (п. 19 ст. 5, ст. 157 УПК РФ);

– неотложные следственные действия, производимые следователем, дознавателем, установившим, что уголовное дело ему неподследственно (п. 19 ст. 5, ст. 157 УПК РФ).

«Смешение этих категорий, — пишет Д.С. Мерлаков, — приводит к трудностям в определении компетенции органов дознания и предварительного следствия и отрицательно сказывается на законности и эффективности правоприменительной деятельности» [18, с. 108–109].

Даже без детальной характеристики указанных категорий видно, что они имеют разные цели, свое предназначение и должны быть вос-

требованы в строго определенной ситуации. Следовательно, объединение их как «неотложных следственных действий» условно, уместно на теоретическом уровне для сравнения и выявления между ними тождества и различий. Несовпадений гораздо больше, что делает проблематичным закрепление в законе общих оснований и условий проведения «неотложных», «безотлагательных» следственных действий. Поэтому весьма спорна позиция С.П. Брылякова, согласно которой неотложные следственные действия «представляют собой уголовно-процессуальный институт, который предусматривает деятельность и в стадии возбуждения уголовного дела, и в стадии предварительного расследования, в случае выявления органом дознания преступления, подследственного следователю» [19].

Как предупредительно замечают Л.В. Головкин и О.Л. Васильев, «нельзя путать неотложные следственные действия с тем ограниченным набором следственных действий, которые допустимы в стадии возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Речь идет о разных процессуальных институтах. Кроме того, нельзя путать неотложные следственные действия со следственными действиями, осуществляемыми при обстоятельствах, не терпящих отлагательства, когда следственное действие в виде обыска или выемки в жилище, личного обыска и т.п. в порядке исключения производится без судебного решения с последующим уведомлением суда *post factum* в течение 24 часов (ч. 5 ст. 165 УПК РФ). Это опять-таки совершенно другая институциональная конструкция, где речь также идет о неотложности (безотлагательности), но совершенно в другом процессуальном контексте» [20, с. 690].

В связи с изложенным объединение ситуаций вынужденного производства следственных действий органом дознания или следователем по уголовному делу «чужой подследственности» (ч. 5 ст. 162 УПК РФ) и в случае возбуждения органом дознания уголовного дела о преступлении, по которому обязательно предварительное следствие, на основании результатов оперативно-розыскной деятельности (негласных ОРМ), представленных органу дознания в соответствии с ч. 2 ст. 11 Закона об ОРД, будет носить искусственный характер. Отсюда сформулированное учеными-юристами обязательное условие для производства неотложных следственных действий на основании ст. 152 и ст. 157 УПК РФ — невозможность прибытия компетентного

должностного лица (следователя, дознавателя) к месту выявления признаков преступления — не является универсальным [10, с. 320].

Территориально-географический оттенок причинам введения в УПК РФ института неотложных следственных действий придают Л.В. Головки и О.Л. Васильев, объясняющие, что с учетом больших расстояний, географической удаленности отдельных территорий иногда становится невозможным немедленное прибытие следователя к месту обнаружения преступления, и тогда органы дознания, наиболее приближенные к населению, возбуждают уголовное дело, проводят неотложные следственные действия, а затем передают дело не позднее десяти суток компетентному органу расследования [20, с. 690–691]. Трудно не согласиться с данной позицией авторов. Однако это частные случаи, и они не раскрывают главного предназначения заложенного в ст. 157 УПК РФ алгоритма действий органа дознания.

Предлагаемое в юридической литературе понятие оснований производства неотложных следственных действий также не в полной мере учитывает разницу между ситуациями, регулируемые ст. 152 и ст. 157 УПК РФ. Выделяются процессуальные и фактические основания. Процессуальный аспект оснований связывается с наличием процессуально установленного факта неподследственности конкретного уголовного дела конкретному дознавателю (следователю), причем неподследственность должна выражаться в территориальном признаке. Фактическое основание указывает на необходимость обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. По мнению авторов, в рамках подобного понимания оснований производства неотложных следственных действий наличия только одного из указанных оснований недостаточно — необходима именно совокупность двух групп оснований. «Только в таком случае, — пишут Е.В. Токарева, В.С. Хорошева, С.Г. Еремин, — решение о возможности и необходимости производства неотложных следственных действий будет считаться обоснованным» [2]. При таком подходе к пониманию оснований производства неотложных следственных действий за кадром остаются случаи реализации в порядке ст. 157 УПК РФ органом дознания информации, полученной при осуществлении ОРМ, указывающей на совершение преступления конкретными лицами.

При описанных в ст. 157 УПК РФ условиях орган дознания получает возможность реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в рамках уголовно-процессуальных форм, возбуждая уголовное дело и проводя необходимые следственные действия, руководствуясь тем, что оперативно-розыскные данные рассматриваются законом как основание для возбуждения уголовного дела и используются при проведении следственных действий (ч. 2 ст. 11 Закона об ОРД).

Как справедливо замечает И.А. Фадеев, в «советской следственной практике оперативные уполномоченные уголовного розыска и БХСС ОВД (милиции) нередко проводили процессуальные проверки, проистекающие из результатов их собственной ОРД. Они же выполняли и неотложные следственные действия, реализуя, таким образом, имевшееся у «органов дознания» право самочинного возбуждения уголовных дел любой подследственности. Таким «популярным» способом они вынужденно вмешивались в процессуальную самостоятельность следователей, в силу чего между ними возникали и разрастались возможные конфликты психологического свойства» [5, с. 149–150]. Однако такие конфликты быстро решались на фоне успешного раскрытия преступлений оперативными работниками.

К сожалению, под таким углом зрения неотложные следственные действия, регулируемые ст. 157 УПК РФ, воспринимаются мало кем из специалистов в области уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. Возбуждение на основании ч. 1 ст. 157 УПК РФ органом дознания уголовного дела по материалам оперативно-розыскной деятельности с последующим производством по нему неотложных следственных действий с использованием результатов ОРМ — специальная правовая конструкция, способствующая решению общей для органов предварительного следствия и дознания задачи раскрытия и расследования преступлений. С учетом содержания ст. 157 УПК РФ и ст. 11 Закона об ОРД можно считать, что указанные нормы направлены на оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений. Придавать ст. 157 УПК РФ исключительно узкое значение, т.е. временно (на срок до десяти суток) заменять следователя, по объективным причинам отсутствующего на месте совершения преступления (обнаружения, выявления признаков

преступления), на что прямо указывает С.В. Сурпун, полагающий, что если «следователь органа внутренних дел по объективным причинам не может возбудить подследственное ему уголовное дело и провести первоначальные следственные действия, то его место временно может занять должностное лицо органа внутренних дел» [21, с. 95], — значит отрицать тесную взаимосвязь уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, придание законом результатам оперативно-розыскной деятельности статуса оснований возбуждения уголовного дела и производства следственных действий, существование хорошо отлаженной и поддерживаемой всеми силовыми ведомствами процедуры представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю и в суд для использования в уголовно-процессуальном доказывании¹.

Институт неотложных следственных действий — обязательный компонент отечественного предварительного расследования, он существует в неизменном виде более 60 лет. Законодатель не подвергает каким-либо корректировкам содержание ст. 157 УПК РФ. Столь высокое доверие законодателя к институту неотложных следственных действий демонстрируется несмотря на крайне критическое восприятие в теории уголовного процесса его нормативного выражения в УПК РФ.

В правовой литературе отмечается, что в «практической деятельности использовать данную процессуальную компетенцию в полной мере оказалось невозможным. Рассматриваемый институт, несмотря на его уникальный характер, в практической деятельности фактически не применяется, что во многом связано с проблемами правового регулирования, ведомственным запретом на его реализацию. Современное состояние правового института возбуждения уголовного дела и производства неотложных следственных действий до сих пор не получило однозначной оценки как ученых-процессуалистов, так и практических работников» [18]. Приведенные суждения не совсем точны и конкретны.

¹ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сент. 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Относительно степени распространенности на практике случаев применения положений ст. 157 УПК РФ стоит отметить, что соответствующей статистики в ГИАЦ МВД России не предусмотрено. Следственный департамент МВД России и Управление дознания МВД России тоже не ведут учет случаев возбуждения уголовного дела о преступлении, по которому предварительное следствие обязательно, органом дознания. Поэтому достоверно судить о степени востребованности в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования предписаний ч. 5 ст. 152, ст. 157 УПК РФ весьма затруднительно.

При трактовке предписаний ст. 157 УПК РФ как страховочной нормы, позволяющей должностному лицу органа дознания временно заменить следователя, не могущего прибыть к месту обнаружения преступления в силу объективных причин, для осуществления комплекса неотложных следственных действий по уголовному делу, также возбужденному органом дознания, рассчитывать на широкое их применение нет предпосылок. В условиях современной транспортной инфраструктуры длительная задержка следователя в следовании к месту производства предполагаемого предварительного следствия — исключительный, редкий случай. Поэтому ожидаемо ст. 157 УПК РФ крайне редко применяется на практике по данному основанию (географическая удаленность следователя от места производства предварительного следствия).

В качестве еще одной причины, сдерживающей использование предписаний ст. 157 УПК РФ органами дознания, называется ведомственный запрет на их реализацию [22].

Авторам статьи неизвестен распорядительный документ по линии МВД России, которым бы органу дознания запрещалось возбуждать уголовное дело по материалам собственной оперативно-розыскной деятельности. Да и легитимен ли такой запрет, если он будет официально предусмотрен нормативным правовым актом? Ведь данный запрет будет блокировать применение норм УПК РФ, что недопустимо и противоречит закону. Интересно было бы ознакомиться и с содержанием такого запрета, его мотивами. Скорее всего, речь идет об устной установке органам дознания с осторожностью, в исключительных случаях обращаться к положениям ст. 157 УПК РФ. Из практики известно, что иногда устный запрет оказывается гораздо

действенное письменного по ряду причин, и это обстоятельство надо иметь в виду.

В качестве фактора, сдерживающего применение ст. 157 УПК РФ, рассматривается позиция Генеральной прокуратуры РФ по данному вопросу, выраженная в указании от 19 декабря 2011 г.² В нем содержится требование к органам предварительного расследования строго соблюдать правила подследственности, определенные в ст. 150 и ст. 151 УПК РФ, а в случае их нарушения надзирающим прокурорам следует принимать меры к отмене постановлений органов дознания о возбуждении уголовного дела и направлять материалы в тот орган предварительного расследования, который правомочен выносить решения в соответствии со ст. 150 и ст. 151 УПК РФ.

Представляется, что по аналогии с Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд от 27 сентября 2013 г., утвержденной всеми заинтересованными правоохранительными и силовыми ведомствами, следует «ревизовать» и содержание названного указания Генеральной прокуратуры, согласовав его с заинтересованными ведомствами. В ходе такого согласования вполне может быть достигнут компромисс при выработке консолидированной позиции в части применения положений ст. 157 УПК РФ, делегирующих при описанных в законе условиях органу дознания право возбуждения уголовного дела о преступлении, по которому предварительное следствие обязательно.

Предпринятая авторами статьи попытка прояснить, во-первых, ситуацию с фактическим применением органами дознания ст. 157 УПК РФ и, во-вторых, основания и цели использования предусмотренного ст. 157 УПК РФ алгоритма действий органа дознания дала следующие результаты. При этом нами не ставилась задача изучения максимально возможного количества уголовных дел, возбужденных на основании ч. 1 ст. 157 УПК РФ. Предстояло убедиться в том, «жив» ли в принципе институт неотложных следственных действий, и выяснить, в каком состоянии он находится.

Нормы ст. 157 УПК РФ активно используются органами Федеральной таможенной службы РФ. Омской таможней, например, в

² Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел : указание Генпрокуратуры РФ от 19 дек. 2011 г. № 433/49 // СПС «КонсультантПлюс».

2021 г. неотложные следственные действия проводились по 35 возбужденным ею уголовным делам о преступлениях, по которым производство предварительного следствия обязательно, в 2022 г. — по 34 уголовным делам, за девять месяцев 2023 г. — по 31 уголовному делу. Всего, по нашим подсчетам, ежегодно российские таможенные органы возбуждают на основании ч. 1 ст. 157 УПК РФ свыше 3 тыс. уголовных дел о преступлениях, производство предварительного следствия по которым обязательно.

С содержательной стороны правоприменительная практика в этой части складывается, как показало ознакомление с материалами уголовных дел³, следующим образом.

При установлении в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности достаточных данных, указывающих на признаки одного из преступлений, предусмотренных ст. 173.1, 174, 174.1, 189, 190, 193, 193.1, 194, 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ, оперативным уполномоченным региональной таможни представляется рапорт об обнаружении признаков преступления с регистрацией его в КУСП. Уголовное дело возбуждается по материалам оперативно-розыскной деятельности, и дальнейшая реализация результатов ОРМ происходит путем проведения следственных действий.

Во всех изученных уголовных делах в качестве повода к их возбуждению фигурировал рапорт оперативного работника таможни об обнаружении признаков преступления (ст. 143 УПК РФ).

В качестве оснований возбуждения уголовного дела в соответствующих постановлениях органом дознания указываются достаточные данные, полученные при проведении ОРМ и подтверждающие событие преступления и причастность к нему конкретных лиц.

Итак, на примере деятельности таможенных органов видно, что положения ст. 157 УПК РФ актуальны и востребованы на практике. Они используются как инструмент, способствующий

³ Изучались уголовные дела, возбужденные на основании ч. 1 ст. 157 УПК РФ Бурятской, Иркутской, Омской, Карельской, Владивостокской, Уссурийской таможней за период 2017–2022 гг. (№ 1230400930200001, 12304009302000025, 12304009302000004, 12304009302000019; 12304009302000026; 12204009709000012; 11704009301719005, 12004009301019032, 66954, 12004009301019032, 12004009301019033, 619009, 12004009301000034, 12204009709000012, 12204009509000019, 12204009509000025, 12104009409000012, 12304009402000013, 12304009408000018).

решению общих для оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности задач по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений [23]. Соответственно, уголовные дела возбуждаются органами дознания дела на основании ст. 157 УПК РФ по результатам ОРМ, которые учитываются и при проведении неотложных следственных действий.

Содержание ч. 7 ст. 157 УПК РФ однозначно подчеркивает ее настроенность на комплексное применение органом дознания предусмотренных законом мер для раскрытия и расследования преступлений. В качестве таких мер рассматриваются следственные действия, ОРМ гласного и негласного характера. Более того, в случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания обязан (именно обязан!) продолжать оперативно-розыскную деятельность для раскрытия преступления. Таким образом, приоритетная цель алгоритма действий, заложенного в ст. 157 УПК РФ, состоит в том, чтобы за счет сочетания уголовно-процессуальной доказательственной и оперативно-розыскной поисковой деятельности обеспечить раскрытие преступления, получение доказательств, устанавливающих обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ.

В заключение отметим, что в текущий момент институт неотложных следственных дей-

ствий находится в зоне интенсивной критики, причем не всегда конструктивной, и по большому счету исследователями на нем «поставлен крест». В лучшем случае в структуре института неотложных следственных действий органу дознания отводится роль «дублера» следователя, когда последний находится на удалении от места производства предварительного следствия и по объективным причинам не может приступить к рассмотрению сообщения о преступлении, по которому обязательно предварительное следствие.

Признание за положениями ст. 157 УПК РФ одного из оптимальных способов оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений изменит, и притом значительно, вектор изучения феномена «неотложные следственные действия». Прежде чем продолжить научные дискуссии по данной проблематике, необходимо тщательно изучить практику применения ст. 157 УПК РФ органами дознания, которая, вопреки бытующему мнению, «не свернулась». Возбуждение органом дознания, наделенным полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности, уголовных дел с последующим проведением неотложных следственных действий остается наряду с основными важной функцией органа дознания. Она нуждается в разных видах поддержки в современных сложившихся условиях, в том числе в научном сопровождении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шурухнов Н.Г. Эволюция неотложных следственных действий: ретроспективный анализ законодательных актов, предшествовавших принятию статьи 157 УПК РФ / Н.Г. Шурухнов. — EDN MXATCW // Пробелы в российском законодательстве. — 2020. — Т. 13, № 3. — С. 225–229.
2. Токарева Е.В. Неотложные следственные действия: современное состояние и тенденции развития уголовно-процессуальных норм, регламентирующих их производство / Е.В. Токарева, В.С. Хорошева, С.Г. Еремин. — DOI 10.25724/VAMVD.MVWX. — EDN AXEKHW // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2020. — № 1 (52). — С. 145–153.
3. Ильина Е.В. Оперативно-розыскное обеспечение производства неотложных следственных действий / Е.В. Ильина, А.И. Мелихов. — DOI 10.24411/2587-9820-2020-10033. — EDN BILXDJ // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 2 (14). — С. 108–115.
4. Кардашевская М.В. Уголовно-процессуальная характеристика неотложных следственных действий и их система / М.В. Кардашевская. — EDN PCYVRP // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 6. — С. 91–94.
5. Фадеев И.А. Нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности и органов дознания МВД России на современном этапе / И.А. Фадеев. — Москва : Проспект, 2022. — 208 с. — EDN BHNUFZ.
6. Судницын А.Б. Производство органом дознания неотложных следственных действий как форма взаимодействия со следователем / А.Б. Судницын, Н.Н. Цуканов. — EDN XTIQNQ // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. — 2020. — Т. 2, № 1 (2). — С. 245–251.
7. Синкин К.А. Некоторые проблемы института неотложных следственных действий / К.А. Синкин. — EDN DFFCRC // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2003. — № 3. — С. 115–116.
8. Мичурина О.В. Проблемы разграничения компетенции органов дознания при производстве неотложных следственных действий / О.В. Мичурина. — EDN OVUEVT // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 1. — С. 64–67.
9. Балакшин В.С. Неотложные следственные действия: понятие и перспективы правового регулирования / В.С. Балакшин, А.И. Григорьев // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». — 2017. — № 6. — С. 103–104.

10. Соколов А.Б. Соотношение неотложных, производимых на первоначальном этапе расследования и в случаях, не терпящих отлагательства, следственных действий: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты / А.Б. Соколов, Д.С. Мерлаков, Я.М. Мазунин. — DOI 10.24411/1999-625X-2021-4-83-318-324. — EDN FDBASB // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2021. — Т. 27, № 4 (83). — С. 318–324.
11. Дикарев И.С. Неотложные следственные действия: кризис уголовно-процессуального института / И.С. Дикарев. — DOI 10.25724/VAMVD.A119. — EDN YCZKWG // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2023. — № 2 (65). — С. 76–83.
12. Лопашенко Н.А. О кризисе российского уголовного права (перечитывая А.Э. Жалинского) / Н.А. Лопашенко. — DOI 10.31857/S102694520027656-2. — EDN FPMQJT // Государство и право. — 2023. — № 9. — С. 97–111.
13. Якушев В.С. О понятии правового института / В.С. Якушев // Правоведение. — 1970. — № 6. — С. 61–67.
14. Киримова Е.А. Правовой институт (теоретико-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.А. Киримова. — Саратов, 1988. — 170 с.
15. Лантух Н.В. Теория уголовно-процессуальных институтов. — Санкт-Петербург, 2015. — 156 с. — EDN IAYOFF.
16. Джалилова Е.А. Проблемы определения понятия и сущности института права / Е.А. Джалилова. — EDN YXCDDL // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. — 2018. — Т. 1, № 2 (65). — С. 22–31.
17. Мядзелец О.А. Возмещение вреда, причиненного незаконным причинением мер уголовно-процессуального принуждения, в контексте теории правового института / О.А. Мядзелец. — DOI 10.52433/01316761_2022_10_26. — EDN YGVUFR // Российская юстиция. — 2022. — № 10. — С. 26–33.
18. Мерлаков Д.С. Уголовно-процессуальная компетенция субъектов, ведущих досудебное производство : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Д.С. Мерлаков. — Омск, 2023. — 22 с.
19. Брыляков С.П. О необходимости законодательного закрепления общих условий досудебного производства / С.П. Брыляков. — EDN XUPENF // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 24 мая 2018 г. В 2 т. Т. 1. — Иркутск, 2018. — С. 168–172.
20. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. — 3-е изд., испр. — Москва : Статут, 2021. — 1352 с. — EDN WDXUDN.
21. Супрун С.В. Производство неотложных следственных действий — часть предварительного следствия / С.В. Супрун. — EDN JUDNOT // Уголовное право. — 2009. — № 3. — С. 95–98.
22. Мерлаков Д.С. Соотношение компетенции органа дознания и следователя, дознавателя при проведении неотложных следственных действий / Д.С. Мерлаков. — EDN RMQFQT // Теория и практика расследования преступлений : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 16 апр. 2020 г. — Краснодар, 2020. — С. 486–487.
23. Николок В.В. Раскрытие преступления как уголовно-процессуальная категория / В.В. Николок. — EDN MRX-PLN // Теория и практика расследования преступлений : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 15 апр. 2021 г. — Краснодар, 2021. — С. 330–336.

REFERENCES

1. Shurukhnov N.G. Evolution of Urgent Investigations: Retrospective Legislation Prior to Adoption Article 157 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 225–229. (In Russian). EDN: MXATCW.
2. Tokareva E.V., Khorosheva V.S., Eremin S.G. Urgent Investigative Actions: Modern State and Trends of Development of Criminal and Procedural Norms Regulating Their Proceeding. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2020, no. 1, pp. 145–153. (In Russian). EDN: AXEKHW. DOI: 10.25724/VAMVD.MVWVX.
3. Il'ina E.V., Melikhov A.I. Investigative Support for the Production of Urgent Investigative Actions. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2020, no. 2, pp. 108–115. (In Russian). EDN: WSQTJY. DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10033.
4. Kardashevskaya M.V. The Criminal-Procedural Characteristics of Urgent Investigative Actions and Their System. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 6, pp. 91–94. (In Russian). EDN: PCYVRP.
5. Fadeev I.A. *Current Normative Legal Regulation of Criminal Procedural Actions of the Bodies of Inquiry of the Russian Ministry of Internal Affairs*. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 208 p. EDN: BHNUFZ.
6. Sudnitsyn A.B., Tsukanov N.N. Conducting Urgent Investigative Actions by the Body of Inquiry as a Form of Interaction with the Investigator. *Sovremennoe ugovolno-protsessual'noe pravo — uroki istorii i problemy dal'neishego reformirovaniya = Modern Criminal Procedure Law — Lessons of History and Problems of Further Reform*, 2020, vol. 2, no. 1, pp. 245–251. (In Russian). EDN: XTIQNO.
7. Sinkin K.A. Some Issues of the Institute of Urgent Investigative Action. *Aktualnye problemy borby s prestupleniyami i inymi pravnarusleniyami = Actual Problems of Counteracting Crimes and Other Offenses*, 2003, no. 3, pp. 115–116. (In Russian). EDN: DFFCRC.
8. Michurina O.V. Problems of Delimitation of the Competence of the Bodies of Inquiry in the Production of Urgent Investigative Actions. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1, pp. 64–67. (In Russian). EDN: OVUEVT.
9. Balakshin V.S., Grigor'ev A.I. Urgent Investigative Actions: Concept and Prospects of Legal Regulation. *Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu = Electronic Supplement to Russian Juridical Journal*, 2017, no. 6, pp. 103–104. (In Russian).
10. Sokolov A.B., Merlakov D.S., Mazunin Ya.M. The Correlation of Immediate Investigative Actions Performed at the Initial Stage of the Investigation and Urgent Investigative Actions: Criminal Procedural and Forensic Aspects. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2021, vol. 27, no. 4, pp. 318–324. (In Russian). EDN: FDBASB. DOI: 10.24411/1999-625X-2021-4-83-318-324.
11. Dikarev I.S. Urgent Investigative Actions: the Crisis of the Criminal Procedure Institute. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2023, no. 2, pp. 76–83. (In Russian). EDN: YCZKWG. DOI: 10.25724/VAMVD.A119.

12. Lopashenko N.A. On The Crisis of Russian Criminal Law (Re-Reading A.E. Zhalinsky). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2023, no. 9, pp. 97–111. (In Russian). EDN: FPMQJT. DOI: 10.31857/S102694520027656-2.
13. Yakushev V.S. On the Concept of Legal Institute. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1970, no. 6, pp. 61–67. (In Russian).
14. Kirimova E.A. *Legal Institute (a Theoretical Legal Study)*. Cand. Diss. Saratov, 1988. 170 p.
15. Lantukh N.V. *Theory of Criminal Procedure Institutions*. Saint Petersburg, 2015. 156 p. EDN: IAYOFF.
16. Dzhailova E.A. Problems of Definition of the Concept and Essence of the Institute of Law. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*, 2018, vol. 1, no. 2, pp. 22–31. (In Russian). EDN: YXCDDL.
17. Myadzelets O.A. Compensation of Harm Caused by Unlawful Implementation of Coercive Measures of Criminal Procedure in the Context of the Legal Institution Theory. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2022, no. 10, pp. 26–33. (In Russian). EDN: YGVUFR. DOI: 10.52433/01316761_2022_10_26.
18. Merlakov D.S. *Criminal Procedure Competence of Subjects in Charge of Pre-trial Proceedings*. Cand. Diss. Omsk, 1988. 170 p.
19. Brylyakov S.P. On the Necessity of the Legislative Recognition of the General Conditions of the Pre-trial Proceedings. *Work of Law Enforcement Bodies in Current Conditions. Materials of International Scientific Conference, Irkutsk, May 24, 2018*. Irkutsk, 2018. Vol. 1, pp. 168–172. (In Russian). EDN: XUPENF.
20. Golovko L.V. (ed.). *A Course of Criminal Process*. 3rd ed. Moscow, Statut Publ., 2007. 1352 p. EDN: WDXUDN.
21. Suprun S.V. Prosecution of Urgent Investigative Actions is a Part of Preliminary Investigation. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2009, no. 3, pp. 95–98. (In Russian). EDN: JUDNOT.
22. Merlakov D.S. Correlation between the Competencies of the Body of Inquiry and the Investigator, Inquirer during Urgent Investigatory Actions. *The Theory and Practice of Crime Investigation. Materials of the VIII International Scientific Conference, Krasnodar, April 16, 2020*. Krasnodar, 2020, pp. 486–487. (In Russian). EDN: RMQFQT.
23. Nikolyyuk V.V. Solving Crimes and a Criminal Procedure Category. *The Theory and Practice of Crime Investigation. Materials of the XI International Scientific Conference, Krasnodar, April 15, 2021*. Krasnodar, 2021, pp. 330–336. (In Russian). EDN: MRXPLN.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Николюк Вячеслав Владимирович — главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: nvv56@mail.ru.

Бахта Андрей Сергеевич — директор Омского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, г. Омск, Российская Федерация; e-mail: Post_e_mail@mail.ru.

Анешева Амина Тулегеновна — доцент кафедры криминологии Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент, г. Омск, Российская Федерация; e-mail: b.ami08@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Николюк В.В. Институт неотложных следственных действий нуждается в неотложном переосмыслении / В.В. Николюк, А.С. Бахта, А.Т. Анешева. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(1).70-80. — EDN OLWNVZ // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 1. — С. 70–80.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolyuk, Vyacheslav V. — Chief Researcher, Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: nvv56@mail.ru.

Bakhta, Andrey S. — Director, Omsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Professor, Omsk, the Russian Federation; e-mail: Post_e_mail@mail.ru.

Anesheva, Amina T. — Ass. Professor, Department of Criminalistic, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in Law, Omsk, the Russian Federation; e-mail: b.ami08@mail.ru.

FOR CITATION

Nikolyuk V.V., Bakhta A.S., Anesheva A.T. The Institute of Urgent Investigative Actions Requires Urgent Rethinking. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024. — Т. 18, № 1, pp. 70–80. (In Russian). EDN: OLWNVZ. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(1).70-80.